

Германию ликвидировать

(Deutschland abschalten. – Die Vergangenheit, Gegenwart und Zukunft – auf einen Ariadnefaden aufgefädelt)

«Существует обязанность (по смыслу – государства ФРГ – прим. переводчика) сохранить идентичность немецкого народа». (Федеральный конституционный суд, 21.10.1987)

Es besteht die Wahrungspflicht zur Erhaltung der Identität des deutschen Volkes" (Bundesverfassungsgericht, 21.10.1987)

1.6 Послевоенные годы

...Когда власть имущие поняли, что немецкое меньшинство всё больше склоняется к переезду в Германию, они стали применять в отношении желающих эмигрировать не только репрессивные методы, но и мощные отвлекающие трюки и лживые обещания. Так, первый секретарь Коммунистической партии Казахстана Кунаев уже в 1972 году провёл беседу с нашим знаменитым соплеменником Яковом Герингом о создании нескольких немецких автономных районов. А в 1979 году была проведена вводящая немцев в заблуждение операция по созданию немецкой автономии в Северном Казахстане. Одновременно с распространением слухов о создании автономии, сверху было организовано протестное выступление местного населения. От «намерения» отказались с тем, чтобы потом утверждать, что автономию невозможно создать.

Такие идеи распространялись и в последующие времена: о создании немецкой республики на Украине, в завоёванной Калининградской области и другие. В 1991 и 1992 годах были созданы два немецких района на Алтае и в Омской области, а затем пьяным Ельциным был озвучен «подарок» немцам: выделение для них площади в 300 га на бывшем военном полигоне Капустин Яр (здесь у Оскара Шульца закралась ошибка, ибо площадь полигона Капустин Яр составляет 400 тысяч гектаров земли или 650 квадратных километров. – прим. переводчика). Для изгнанных со своей малой родины немцев это означало конец их надеждам на восстановление республики в Поволжье, что для поволжских немцев означало понимание, что им не вернут украденную у них родину, а для всех российских немцев – что не будет никакого восстановления справедливости.

Таким образом, эмиграционная волна в ФРГ получила свой последний мощный толчок. Ставший необратимым процесс эмиграции больше невозможно было остановить. К этому моменту, начиная с 1951 года, Советский Союз уже покинуло 650.000 российских немцев, теперь же в дорогу собрались ещё 2 миллиона человек. «Хотя в последние годы мы жили лучше, жили хорошо, но родины у нас не было. Мы хотим родину для наших детей и внуков». (Johanna Jenn. «Die Geschichte meiner Familie», S. 226) За 5 лет, с 1992 до 1996 года злую мачеху Россию и страны СНГ в направлении исторической родины покинули 1.200.000 немцев. До 2013 года на родину предков, в Германию, вернулось 2,5 миллиона репатриантов. (насколько это известно мне, по официальным данным, 2,3 миллиона человек – прим. переводчика).

Здесь возвращенцы, бывшие колонисты, были переименованы в «российских немцев». (С этим утверждением уважаемого Оскара Шульца я позволю себе не согласиться. Если мы посмотрим энциклопедический словарь Брокгауз ещё за 19 век, то в нём и на немецком, и на русском языке речь идёт именно о «российских немцах». Так что в этом названии нет ничего нового и необычного. «Российские немцы» – это все немцы, жившие в Российской империи. – прим. переводчика.) Как пародия звучит, когда в СМИ сообщают о «германо-русских» (Deutschrussen), «германо-казахах»

(Deutschkasachen), «германо-якутах» (Deutschjakuten) и т.д., и без остановки снова и снова повторяют эти глупости.

Но и некоторые наши доморощенные «философы» говорят о «германо-россах». Но большинство из нас утверждают, что мы вернулись в Германию как «немцы из России».

Что же мои родственники? Все прошли через ад военных и послевоенных лет. Те, кому удалось остаться в живых, после войны искали других своих родственников, надеясь, что кроме них ещё кто-нибудь остался в живых. Этим же занялся и мой отец: после того, как ему разрешили вернуться к семье из места для проклятых (из «трудармии») и он немного отошёл и пришёл в себя, он занялся поисками потерянных родственников в надежде собрать найденных поближе к себе. После продолжительных поисков ему удалось найти и забрать к себе дочь Фриду из Бурятии. Потом он нашёл семьи брата Адольфа, швагеров Августа, Фридриха и Иоганна Дистерхгефтов, золовки Каролины Никель (Дистергефт), племянницы Адолины Симон (Лангханс), жену и детей племянника Роберта Лангханса и других. Правда, он не решился заниматься поисками родственников, живущих за границей: страхи, которые советским немцам с 1917 года и, в особенности, с тридцатых годов, нагнали Чека, ГПУ и НКВД, он не смог преодолеть. Эту задачу взял на себя после смерти отца я. Я нашёл потомков родственников, которых ещё никогда не видел – тех потомков моего прадеда Иоганна Вольшлегера, которые покинули Волынь в 1890 году и потомков, переехавшего в Германию в 1912 году двоюродного деда Людвиг Цеха. Никто из них, в том числе и самый старший, родившийся в 1910 году Альберт Зам, привезённый в Германию двухлетним, ничего уже не знали о Волыни.

Я посетил всех моих родственников, которым удалось в 1945 году избежать насильственного переселения в Советский Союз и остаться в Германии: кузин Эльзу Ротгардт, Ольгу Грейнер и сестер Теш. Никто из них уже не говорил на своём волынском диалекте, их воспоминания о Советском Союзе были такими скудными, что у меня возникло ощущение, что они сознательно не хотели ни о чём вспоминать. Они вычеркнули из своей памяти имевшиеся воспоминания и больше не хотели даже думать ни о чём, что как-то напоминало Советский Союз, что как-то было связано с Россией.

Это же я обнаружил у семьи Педер и Лангханс (9 взрослых человек), которые переехали в Германию в 1976-77 годах. Последние 7 лет их пребывания в Советском Союзе, в течение которых они вели тяжёлую и изнурительную, унижающую и оскорбляющую их честь борьбу с КГБ, вычеркнули из их воспоминаний все хорошие моменты в их жизни там. Так, как будто не было вообще ничего хорошего. Хотя Герберт и Эрна родились на Украине и выросли в Казахстане, Герберт сказал:

– «Россия? Нет, никогда больше в жизни! К тому же, я не российский немец, а просто немец». Но несмотря на это, дома они предпочитали говорить чаще по русски, чем по немецки. И я их спросил:

– «Вы ощущаете себя немцами, негативно говорите о России, почему же вы предпочитаете говорить не на немецком языке, а на русском? Некоторые наши земляки считают, что мы должны сохранить российско-немецкую культуру.»

На это ответила Эрна:

– «Мы родились в русскоязычном окружении и на протяжении 35 лет мы жили с этим языком, он стал нашим родным языком. Хорошо ли, плохо ли, но мы сегодня владеем и немецким, но нам придётся умереть с русским языком. Из трёх наших детей, только двое ещё говорят на русском, наши внуки говорят только по немецки, хотя для них

было бы совсем неплохо, если бы они овладели также и русским языком, но это полностью зависит от них. Российско-немецкая идентичность? Я думаю, что в бывшем СССР больше нет российско-немецкой идентичности, кроме того, я ничего не знал о такой идентичности и когда жил там. Оставшиеся там сёстры Герберта и их дети тоже ничего не знают о российско-немецкой идентичности. Мы, к примеру, имели там русский паспорт, в котором стояло, что мы «немцы» и это, несмотря на то, что мы уже не владели родным языком. Родившись немцами, нам с детства пришлось пережить как немцам разные издевательства, но не потому, что мы не знали родного языка, а потому, что в паспортах наших родителей, а позже и у нас, стояло «немец», «немка». Слово «немец» означает для меня «чужой», мы там и были чужими. Почему же я должна желать сохранить что-то чуждое для меня – российско-немецкую идентичность? Многие земляки ощущали себя там немцами и приехали сюда для того, чтобы немцами сохраниться. Мы приехали сюда для того, чтобы стать полноценными немцами. Почему в Германии должна сохраниться российско-немецкая идентичность? Мы уже 37 лет живём здесь и знаем, что наши гости, немцы, как и мы, любят есть борщ, пельмени, даже бешбармак, но никто из них не готовит эти блюда дома, никто из них не хочет проводить похороны и свадьбы так, как это делаем мы. Нам что же, требовать от них, чтобы они приспособивались к нашим привычкам или наоборот, это мы должны приспособиться к их привычкам? Российско-немецкая идентичность? Тут надо сначала хорошо подумать, что мы с этой российско-немецкой идентичностью можем дать Германии? Трудлюбие, порядок, чистоплотность, аккуратность? Но ведь это наши предки тогда, когда переезжали в Россию, взяли с собой из Германии и это мы сохранили, и с этим багажом возвращаемся назад в Германию. Насколько я знаю, эти черты и национальные особенности не потеряли и местные немцы.»

А что говорят о сохранении российско-немецкой идентичности наши родственники, которые вернулись в Германию между 1987 и 2000 годами? Здесь мы находим много разных мнений этой категории иммигрантов, у которых есть свои специфические причины: большинство из них это немцы, которые несмотря на все унижения, оставались ими и там, в СССР. Но есть также и различия как у самих немцев, так и у их супругов, которые были более или менее довольны коммунистическим режимом в Советском Союзе. И у нас есть дети, которые происходят как из чисто немецких семей, так и из смешанных. У многих в государствах СНГ всё ещё живут их родители, братья и сёстры, дедушки и бабушки, тёти и кузины, которых они хотят навещать и для этого им надо владеть русским языком.

Есть и такие, которые приехали в Германию из чисто меркантильных соображений, в поисках выгоды – для этих термин «российские немцы» вообще чужой. Очень велика разница в этом вопросе между теми, кто родился в Советском Союзе и теми, кто родился в Германии, особенно последними, так как эти молодые люди очень зависимы от среды, в которой растут. Если где-то в каком-то поселении проживает много немцев из России, то они не только понимают русский язык, но и имеют понятие о культуре российских немцев. Но если они живут рассеяно среди коренных немцев, то они предпочитают в общении немецкий язык и вообще не чувствуют интереса к российско-немецкой идентичности.

Есть и взрослые люди, которые, прожив в Германии лет двадцать, уже не знают что такое российско-немецкая идентичность. Поэтому вообще нельзя рассчитывать на то, что у немцев из России по вопросу российско-немецкой идентичности существует единое мнение. То есть, у немцев из России существует многообразное представление об идентичности...

1.7 Сохранять ли российско-немецкую или просто немецкую идентичность?

«Из принципа сохранения (Wahrungsgebot) следует в особенности конституционная обязанность (государства), сохранить идентичность немецкого государственного (государствообразующего) народа».

Федеральный конституционный суд от 21 октября 1987 года.

(Aus dem Wahrungsgebot folgt insbesondere die verfassungsrechtliche Pflicht, die Identität des deutschen Staatsvolkes zu erhalten.“

Bundesverfassungsgericht 21 .Oktober 1987)

Один из моих знакомых написал мне когда-то, что дети, и это не только в его семье, не хотят больше говорить на наших диалектах и разговаривают только как местные немцы: «Мы сохранили язык наших родителей, несмотря на советскую человеконенавистническую национальную политику, при помощи которой нас хотели перевоспитать и сделать русскими. Но, несмотря на все наши тогдашние усилия, наши отпрыски теперь добровольно отказываются от своего права на родной язык. Что нам делать против этого?»

Его убежденность, что нужно сохранить поволжский диалект покоится на высказывании умершего в Казахстане и очень уважаемого писателя и публициста Герольда Бельгера, который поучал немцев-переселенцев, как им надо интегрироваться в Германии. По его мнению российские немцы в рамках немецкого народа относятся к «значительной и уникальной породе» (zu einer erheblichen, eigenartigen Besonderheit) и поэтому он призывал их сопротивляться идущему процессу адаптации и постараться сохранить в Германии «российско-немецкие языковые островки» с тем, чтобы не допустить «деградацию» до уровня «среднего немца» (в оригинале: «um das „Herabsetzen“ zu einem „durchschnittlichen Deutschen“ nicht zuzulassen.“).

Но разве российские немцы действительно развивались лучше, чем «средние немцы»? Разве (российские немцы)-иммигранты стоят ступенью выше, чем коренные немцы? Разве они стоят выше других народов и меньшинств? – Если это не глупость, то это по крайней мере странная идея.

Я написал ему моё мнение: «Мне кажется, что следование этой странной идее – не идти по пути полной адаптации к местным немцам – привело бы нас к этнической изоляции и замкнутости в Германии.»

В вопросе образования языковых островов, которые мы якобы должны создать в Германии с тем, чтобы в них сохранить диалекты российских немцев, у нас, у российских, бывших советских, немцев есть достаточно богатый опыт. Такие языковые островки у нас уже были в СССР и вот как они закончили своё существование: в колонии Константиновка в Казахстане (переименованной позже в Тоболино, а теперь в Дербисек) остались три немецкие семьи, остальные 99% переехали в Германию, чтобы сохраниться немцами. Немецкие колонии в Киргизии (в районе Таласа) исчезли. В Павлодарской области три успешных немецких колхоза-гиганта – «30 лет Казахской ССР», им. Тельмана и им. Кирова, распались. О колхозе им. Кирова (Розовка) можно было бы добавить следующее: уже в 1992 году более половины жителей этого языкового островка были в Германии. За 7 лет, с 1989 до 1995 года 407 семей (1420 человек), составлявшие 90% населения Розовки, эмигрировали в Германию. (13% из этих семей были смешанными). Они жили в благоустроенном, очень красивом немецком селе, оно когда-то было замкнутым языковым островком, но и они не смогли избежать судьбы всех остальных советских немцев – созданию смешанных семей. Они чувствовали, что их розовский диалект исчезнет в русскоязычной среде. Языковые островки были самыми первыми среди эмигрирующих, они показали правильную дорогу – на родину наших предков! И в Германии тоже не будет никаких языковых

островков с нашими вымирающими диалектами – пусть наши дети становятся немецкоязычными немцами.

С момента моего переезда прошло 20 лет и я вижу, что многие немцы из России всё же сумели собраться в некоторых поселениях. И это всегда происходило по следующей схеме: сначала друг друга находили несколько родственников и знакомых, покупали недорогие земельные участки, которые были недалеко от их рабочего места, брали кредиты и строили собственные дома.

Наши земляки строили сами и с помощью своих родственников, они давали возможность строительным фирмам выполнять только те работы, по которым они не могли найти своих специалистов. Потом в эти же места приезжали другие земляки и они также селились рядом. И так всё больше и больше. Вскоре некоторые местные немцы начинали покидать эти поселения и уезжали куда-нибудь подальше. Почему? – Есть различные причины, среди них и одна не очень приятная – эти местные немцы не хотели признавать и принимать солидарное поведение немцев из России, их поведения и их непривычных традиций. Их дома с удовольствием покупали российские немцы. Так со временем возникли поселения, в которых укоренились в большом количестве наши земляки. Хотя это были и не гетто, но о частичной изоляции, которая, к сожалению, возникла по желанию самих наших земляков, тем не менее, можно говорить. Хотя большинство немцев из России уже относительно хорошо умеют общаться с коренными немцами, для них всё ещё легче общаться друг с другом на русском языке, чем на немецком.

Другой путь к интеграции показал себя эффективнее: строить свои дома и жить среди местных немцев. Так пять из 13 семей моих родственников купили себе дома, находящиеся среди домов местных немцев и у них нет никаких проблем с соседями и никто из местных немцев не уезжает.

Одновременно подросли дети эмигрантов. Школа и круг появившихся друзей помогли им легче полностью освоить немецкий язык. И после этого ситуация взрослых эмигрантов стала такой же, как у их дедушек и бабушек после их депортации и расселения среди разных народов, но теперь уже наоборот. Тогда домой приходили дети (сегодняшние родители) и разговаривали по русски, им было так легче и дедушки и бабушки воевали с ними, требуя, чтобы они разговаривали на родном языке и не забывали немецкий язык. Теперь домой приходят их внуки из школы и разговаривают дома с родителями по-немецки, а они отвечают по русски. И таким образом старшее поколение эмигрантов вынуждено признавать, что дети быстрее приспособились к местным немцам, чем им, может быть, даже хотелось бы.

Дети, которым было в момент переселения в Германию от 7 до 10 лет, не говоря уже о тех, которые здесь родились, вырастают вместе с местными немцами и естественным образом вживаются в это общество, воспринимают Германию своей родиной. Они прилежны и большинство из них учатся не хуже местных школьников. Многие юноши и девушки заканчивают университеты. Трое из восьми моих внуков уже получили университетское образование. Но понятно, что не все смогут пойти так далеко. И это не является каким-то унижением, если наши дети получают здесь другие и, чаще всего, лучшие, чем там, профессии: они таким образом становятся такими же, как средние местные немцы. Ведь и здесь мы нуждаемся в умных и надёжных рабочих. И они уже во время своего обучения доказывают, что они не глупее других и чаще всего сразу же после получения профессии получают рабочие места. Таков путь к интеграции. В процессе учёбы юноши и девушки знакомятся и таким образом затем возникают семьи наших немцев с местными. Немцы из России предпочитают заключение браков с

местными немцами – в первом поколении 19% немцев-переселенцев создают семьи с местными немцами, во втором поколении – уже 67%.

Уважаемый писатель из Казахстана в своей рекомендации нам поставил на один уровень насильственную ассимиляцию немцев в России с нашей добровольной интеграцией в Германии. Не стараться сблизиться с местными немцами, не вливаться в общество, не становиться средними немцами? Какое же это заблуждение! Мы прибыли в Германию для того, чтобы жить здесь как немцы среди немцев, но за 200 лет мы далеко ушли в своём развитии от среднего германского немца в том смысле, что в некоторых жизненных сферах, например, в языке и в знаниях поотстали. Значит нам надо сильно напрячься для того, чтобы вначале достичь этого среднегерманского уровня.

И вот ещё что я написал моему другу: «Что касается языка, то мы совершенно определённо можем говорить с пожилыми людьми и на наших диалектах, мы также можем дальше разговаривать на русском, но заставлять наших детей продолжать говорить на диалектах не имеет никакого смысла, потому что они здесь уже не находят никакого применения. Противоположное скажу о сохранении русского языка: почему же надо изучать в качестве иностранных языков только другие языки? Почему не русский язык и плюсом к нему ещё английский, французский и владеть таким образом 4 языками?»

Вернусь к странной идее об «уникальном народе российские немцы». Несмотря на то, что прошло уже много лет, всё ещё находятся сторонники этой глупой идеи. Так, на этой позиции всё ещё стоит другой уважаемый российско-немецкий писатель, живущий в России Гуго Вормсбехер. К нему примыкают некоторые единомышленники, которые живут уже здесь, в Германии и смущают умы наших соплеменников. Непонятно, чего хотят добиться эти люди, распространяя свои утверждения? По моему мнению в России изначально были только поселившиеся в ней иностранцы, среди них также и немцы с различными диалектами, но никакой не народ «российские немцы».

– Поселившиеся в России немцы жили в географически и климатически далеко друг от друга расположенных регионах – на средней Волге, в Новороссии, Крыму, на Кавказе, в Бессарабии, Волыни, вокруг Петербурга и в других маленьких селениях, в которых вначале образовались новые диалекты немецкого языка (койне – Г.Д.). Эти группы переселенцев со своими собственными диалектами жили отдельно друг от друга, у них не было общих журналов и газет, они не получали официальную информацию друг о друге и уже начиная с 1871 года начали принуждаться панславистами в России к ассимиляции. После 1917 года они в своём большинстве были перевоспитаны в соответствии с коммунистической идеей в послушных «гомосоветикусов» и стали бледным, невыразительным меньшинством советских рабов.

– То есть, мы – никакой не народ и никакая не уникальность. Немецкое меньшинство было только особым, имеющим много диалектов, сообществом единой судьбы.

– Действительно, среди наших соплеменников, как перед 1917, так и после было много, сотни, если не тысячи, выдающихся личностей, к примеру известный академик Борис Раушенбах или не всем известный А. М. Ридигер, который был возведён православным клиром в сан патриарха православной церкви под именем Алексей II. (Российский дворянский род фон Ридигеров, или Рюдигеров (возможное расхождение в старонемецком написании: von Ruediger, Rüdiger, Ruedinger, Redigeer), имел курляндское (балтийско-немецкое) происхождение; Патриарх принадлежит к ветви немецкого рода, принявшей православие в XVIII веке. – информация из Википедии).

Поселившиеся в России немцы внесли также выдающийся вклад в её развитие: заселение пограничных земель, освоение многих миллионов гектар целинных земель в процессе создания и развития немецких колоний, введение прогрессивного севооборота в сельском хозяйстве и мощное производство зерновых, умножение пород скота (овцы-мериносы и коровы молочных пород). А в советское время – создание, хотя и в условиях неволи в так называемой «трудармии», оборонной индустрии на Урале, освоение целины в Казахстане, создание образцовых «островков» сельского хозяйства в хаосе советского сельского хозяйства и многое другое. Но всё это не является доказательством существования уникального народа российские немцы.

Ни в царской империи и ещё меньше при коммунистическом режиме нам ни разу не была дана возможность полностью развиваться в языковом, культурном и научном плане и стать особым и уникальным народом. После 1871 года на российских немцев в России надели туго затянутые и стесняющие их развитие одежды. И если мы, те, кто не хотел дать себя руссифицировать, не покинули бы Россию, то мы сегодня тоже были бы уже ассимилированы настолько, насколько ассимилированы оставшиеся там наши родственники. Может ли существовать немецкая сущность со своими национальными особенностями в ассимилированной русской душе?

И если кто-либо в качестве контраргумента приведёт два национальных района в Омской области и Алтайском крае, то это будет всего лишь грустная шутка, потому что там нет немецких церквей, детских садов, школ, государственный язык там русский и так далее. Жена моего недавно умершего кузена Фрида Пауц не решилась сразу же переехать в Германию, она уговорила две семьи своих детей остаться и вместе с ними, всего 9 человек, переехала во вновь образованный немецкий национальный район в Алтайском крае. Спустя три года, когда она убедилась в том, что здесь нет никакой разницы с любым другим местом в России, кроме названия «национальный район», она со своими детьми всё же переехала в Германию. Там, в бывшем СССР, можно собрать ещё только отдельные немецкие крохи, российско-немецкого социума как чего-то целого, там не существует.

Ну а что же здесь, в Германии? Мы тоже были российскими немцами, но в своей душе у нас было стремление остаться немцами и вернуться к нашим корням. Те, кто добровольно выбрал путь ассимиляции в России, развили совсем другое мышление, они хотят стать русскими. Так, как сказал мой кузен Отто: «Пусть мои дети не страдают, как я из-за своей немецкой национальности, пусть они будут русскими».

Я ничего против этого не имею, это их решение. Но именно это и отличает первых от вторых. Подозреваю, что среди колонистов уже изначально, в момент переселения в Россию, были такие, кто стремился сохраниться немцами (большинство) и такие, кто готов был принять русскую национальность. Со временем эта склонность развивалась, а вследствие пропаганды ненависти ко всему немецкому, в особенности после 1941 года, она превратилась в готовность к ассимиляции.

У некоторых немцев, в особенности из смешанных семей, идентичность мутировала. То есть, уже перед нашим массовым выездом из СССР среди наших соплеменников были люди с немецкой и с русской идентичностью. И поэтому мы, переехавшие в Германию люди старшего поколения – «немцы из России», а наши, оставшиеся в России родственники – «российские немцы», но и это только по названию, ибо фактически большинство из них стали уже русскими. Они не являются носителями российско-немецкой идентичности (Russlanddeutschtum). Герхард Вольтер написал по этому поводу: «... что им было предначертано судьбой, чтобы исчезнуть как этническая группа в Лете».

Но если исходить из утверждения некоторых наших соплеменников..., что «Мы не хотим полной ассимиляции, которой едва избежали в России. Нам не нужно, чтобы это произошло с нами и на исторической родине, тем более, непонятно на какой мультикультурной основе. Не сомневаюсь, что выражу мнение большинства урожденных германцев и русских – мы хотим сохраниться как часть самобытного германо-русского народа в германской нации», – то есть, сохраниться, как «германо-россы»? (Эту фразу написал Иван Шредер. Цитируется по статье Р. Гайгера и Г. Дауба, «А в яйце том смерть Кашеева, Ost-West-Panorama № 9, 2011, стр 8).

Если исходить из этого утверждения, то оно ведь означает, что иммигранты-немцы из России и в дальнейшем должны оставаться такими, какими они в Германию приехали. То есть, русские – русскими, а немцы – поволжскими, волынскими и крымскими немцами? А не просто немцами? И даже не полунемцами?

Мне кажется, что люди с такой установкой забыли, почему они переехали в Германию. Разве их сюда привезли против их воли или может быть они попали сюда случайно? Они ведь сами написали в своих заявлениях правительству ФРГ, что они хотят жить как немцы среди немцев. Почему же теперь они пудрят мозги своим соплеменникам? Они совершили ошибку и им следует как можно скорее вернуться в Россию.

Моя позиция:

– Мы, немцы из России, никогда не были и не являемся единым «российско-немецким народом» (в том числе и с научной точки зрения это определение очень ошибочное).

– Мы не являемся и не хотим быть никакими «германо-росами». (тем более, если перевести слово *Ruß* на русский язык, то оно означает «жеребец» – так вот, мы не хотим быть здесь «немецкими жеребцами»). Это неверное название. Мы приехали сюда, чтобы остаться немцами, а для некоторых это означает – стать немцами.

– А что касается ситуации с мультикультуризацией общества, то нам просто не следует опускать руки, а вместе с коренными немцами бороться против запланированной денационализации нашего демократического государства. Потому что мы – немцы!

Пришло время, когда мы должны честно признать, что российские немцы, как историческое явление, свою роль выполнили и исчерпали все допущенные судьбой возможности таковыми сохраняться. Немцы на протяжении 200-250 лет своего пребывания в России внесли колоссальный вклад в развитие российского общества, который невозможно сравнить с вкладом ни одной другой национальной группы иммигрантов в этой стране. Но теперь мы живём в Германии, даже с учётом того, что мы вынуждены были избрать этот путь, это всё же было наше свободное решение и теперь мы обязаны смотреть в будущее нашей страны и позаботиться о нём.

Привожу «железные», точные слова нашего соплеменника доктора Андреаса Обердерфера: «...Но и те, кто вернулись на родину предков, и те, кто остались, обреченно уходят от своей этнической самобытности и теряют своеобразный язык. Он, впитанный с молоком матери, выражает наш душевный склад, и с его утратой мы уходим от самих себя.» (Андреас Обердерфер, «Уходя, уходи... Но не бесследно», № 5 2013, стр 46).

Сегодняшние сторонники идеи восстановления республики на Волге, которые выдумали для себя сказку об особом народе должны были бы, наконец, понять: «Поезд уже ушёл! Даже если бы она неожиданно была восстановлена, то тут же возник бы вопрос: А кто хочет туда переселиться? Немцы, переселившиеся в Германию? – Нет! Германские немцы? – Невозможно себе представить! И даже если они были бы

безработными, они всё равно скажут – нет! Российские немцы, которые живут до сих пор рассеянными в местах депортации в странах СНГ?

На это я могу дать ответ, высказывавшийся уже ранее. После частичного освобождения в 1956 году моего тестя, которого депортировали из села Моор возле Бальцера, я спросил его, поедет ли он на Волгу, если возникнет такая возможность? Его ответ был – нет. Почему нет? – «Из-за несправедливости! Потому что немецкие колхозы Республики Немцев Поволжья всегда должны были поставлять государству в два раза больше сельскохозяйственной продукции, чем другие. И так это было всегда, начиная с революции. Поэтому я остался бы в Казахстане.»

Когда мне, в момент моего вступления в объединение «Возрождение» в 1989 году задали этот же вопрос, я сказал: «Бороться вместе со всеми за восстановление справедливости и республики на Волге – да, а вот переехать туда – нет». Потому что там во второй раз может возникнуть ублюдочное образование: так, в автономной еврейской области (со столицей в Биробиджане) в 1989 году проживало 7%, а теперь, в начале 21 века, там осталось только 1,2% еврейского населения.

В республике на Волге ситуация вряд ли была бы лучше и даже если там проживало бы 10% немецкого населения, то в результате этого ну никак нельзя было бы ожидать возрождения немецкой культуры и языка. Доктор Андреас Обердерфер тоже считает, что вряд ли российские немцы «... после 68-летнего рассеяния в огромной стране смогут снова собраться в одном месте... Нам надо смотреть в глаза реальности. Жребий брошен, этническая группа «российские немцы» обречена на исчезновение».

Вывод: Не существует российско-немецкого государства, страны, народа... Есть только рассеяное в огромной России депортированное немецкое меньшинство, в котором большинство уже потеряло свой родной язык и ассимилировалось, то есть есть ещё отдельные личности, осколки, может быть отдельные семьи и, следовательно, нет российско-немецкого социума.

И если кто-то сегодня этого ещё не понял, тому придётся понять это завтра. И ещё этим людям следует понять, что мы в Германии уже не те, кто покинул 20-30 лет назад Россию. Мы – немцы, здесь родина наших детей, наших внуков, которые живут в лоне немецкой культуры.

Исходя из этой реальности можно говорить и о наших, то есть, немцев из России, задачах:

1. Мы должны вместе с коренными немцами бороться за будущее Германии.
2. Наши предки и наши родители были христианами и мы обязаны, независимо от того, верующие ли мы или атеисты, передать нашим детям и внукам христианские ценности, мораль и смысл десяти заповедей – ключ к нашему образу жизни. Это же означает, что мы должны активно помогать нашим потомкам в учёбе в школах и университетах, при получении профессии и, если это возможно, пойти по тернистому пути в политику.
3. Сохранить в памяти наших потомков историю возникновения и уничтожения немецкой этнической группы в России. Это означает, что следует сохранить все ещё имеющиеся документы, которые связаны с нашей судьбой и историей и передать их в музей истории культуры российских немцев в Детмольде.
4. Насколько это возможно, поддерживать усилия оставшихся в бывшем СССР российских немцев.

1.8 Потомки немцев в России

Hängen geblieben am Vernichtungssiebe:

Uns passt kein rotes, kein grünes Hemd:
Wir sind zwischen Rädern im Wechselgetriebe
des Gestern- und Morgenspiels eingeklemmt.

("Meine Alternsgenossen", Viktor Heinz

(Мы зависли в сите уничтожения/Нам не подходит ни красная, ни зелёная рубашка./Мы зажаты между шестерёнок/Сегодняшнего и вчерашнего дня. – «Мои одногодки», Виктор Гейнц)

Первые упоминания немцев в России связаны с временами царя Ивана Грозного, но были также и раньше. Но существенный прирост немецкого населения произошёл только в конце XVII века при царе Петре Великом. С этого времени начался рост числа немцев, которые стали для российского реформатора желаемыми гостями и соратниками и он был тем, кто начал русско-немецкие династические связи. Начиная с Петра I до последнего русского царя Николая II почти все царевичи женились на немецких принцессах. Так, Алексей Петрович женился в 1711 году на принцессе Шарлотте-Кристине-Софии Брауншвейг-Вольфенбюттельской, Николай II в 1894 году на Алисе-Виктории-Елене-Луизе-Беатрис принцессе Дармштадтской, а между этими двумя монаршими отпрысками дом Романовых породнился с Прусским домом, с герцогством Мекленбургским, Вюртембергским, с маркграфством Баден-Баден, с династиями Лихтенберг и Ольденбург. И, наоборот, дочери царской семьи выходили замуж за представителей монархических домов Германии.

Приглашались учёные, врачи, военные, архитекторы, художники, добровольно в Россию переезжали аптекари, купцы и предприниматели. Многие немцы были желаемыми, надёжными помощниками в правящей иерархии царской империи и занимали ключевые позиции вплоть до министров и премьер-министров, «с 1805 до 1917 года мы находим 38 имён, которым были доверены министерские посты, семеро получили высшее воинское звание генерал-фельдмаршал» ("Немцы в России" Г. И. Смагин, S. 253). Иммигранты не всегда приезжали в Россию в одиночку, но и со своими семьями, близкими родственниками, слугами, которые тоже ехали со своими детьми. Большинство иммигрантов, в особенности их потомки, создавали смешанные браки с русскими и оставались навсегда в России. Многие из них перенимали стиль жизни, привычки, мировоззрение, русский патриотизм, православную веру (а принцессы – обязательно) и находили в России свою вторую родину. Некоторые из них называли Россию своей единственной родиной, они добровольно шли по пути руссификации, ассимиляции в русском большинстве. От их происхождения в памяти оставались только фамилии: фон Визин, Фет, Даль, Блок и т.д. Те, кто сохранял свою немецкость в России и хотел оставаться немцем, со временем возвращались на родину – в Германию.

Немецкие принцы и принцессы, учёные, военные, моряки, архитекторы, художники и успешные предприниматели играли выдающуюся роль во времена становления Российской империи. Но эти иммигранты не играли никакой роли в процессе образования общероссийской немецкой общности, а если сказать точнее, то они, как члены высших слоёв общества ни имели к этому интереса и даже не искали контактов с ремесленниками немецких городских районов, а ещё меньше – с немецкими колонистами. Только после революции 1905 года, когда и колонисты получили возможность выбирать депутатов в первую думу, появилась политическая элита российских немцев, которая могла защищать интересы колонистов. Это были члены различных партий из всех регионов, в которых жили немцы, самыми известными из

них были: П. Струве (кадет), В. Анреп (октябрист), Г. фон Розен (прибалтийский немец), Г. Фелькерзам (от курляндских немцев), К. Бреверн (от эстляндских немцев), Я. Дитц (из Саратова), Я. Арндт (из Волыни) и др. В третью Думу (1907) также были избраны депутаты-российские немцы. (Г.И. Смагин, „Немцы России“, с. 253).

Что принесла колонистам революция 1905-1907 годов? Свободу мнения, собрания и объединения – что привело к политическому пробуждению колонистов. Так, в Одессе был основан Союз немцев Южной России, который ставил перед собой целью объединение всех немцев, имеющих российское гражданство, сохранение родного языка и национальности и многое другое. (Курт Вильгельм, „Твои немцы Россия“, с. 123-124).

Но время либерализации было очень коротким, приближался 1914 год – Первая мировая война. Своего пика достигли панславистские антинемецкие настроения, направленные против российских немцев, которые в России начались с 1871 года (год возникновения Второго Германского Рейха – прим. Г.Д.). После начала Первой мировой войны все свободы, которые только несколько лет назад были даны немцам, снова были упразднены: запрещены немецкая пресса, объединения и употребление немецкого языка в общественных местах, а 200 тысяч волынских немцев лишены своей частной собственности и сосланы в северные области России, в Сибирь и Среднюю Азию.

Этот же удар судьбы готовился и всем другим колонистам в России, но были остановлены временным правительством после февральской революцией 1917 года. А после свержения царя в феврале 1917 года снова засветился лучик надежды: „В Москве, Саратове, Одессе были проведены съезды, которые разработали проект основания „Всероссийского союза российских граждан немецкой национальности“. (Г.И. Смагин, „Немцы России“, с. 253)

Это была первая попытка создания общего немецкого объединения в России, которое, несмотря на 150-летнюю изоляцию, отчуждённость друг от друга (территориальные, социально-исторические, языковые и конфессиональные различия разных групп немецкого населения), призвано было объединить их усилия. Но Октябрьская революция остановила всё. Большинство оставшихся после неё в живых немцев: из высших слоёв правящего класса и богатые люди, фабриканты, крупные землевладельцы, военные, священники и интеллектуалы навсегда покинули Россию после революции и гражданской войны 1917-21 годов. А немцы, оставшиеся в России, попали в жернова коммунистической идеи перевоспитания в духе нового социалистического мировоззрения и стали, иронически говоря, „гомо советикусами“ – превратились в отказавшихся от сопротивления, послушных рабов.

Но вернёмся в 1905 год. Незадолго до приближающихся ужасных событий 1914-1917 годов, Якоб Дитц написал книгу о поволжских немцах (Wolgadeutschtum), которая была опубликована только в 1997 году. Привожу некоторые выдержки из неё: „Колонист-немец Поволжья не является представителем немецкой нации... Это новый народ, даже новая раса... Колонист не является немцем, но он и не русский. Колонисты – это новая, особая и самодостаточная нация, которая не имеет абсолютно никакого сходства с германцами... В тяжёлой борьбе за выживание умерло первое поколение... Второе поколение в постоянной борьбе за кусок хлеба настолько огрубело, что оно послушно подчинилось всем приказам государственной власти и попыталось усыпить свои чувства в религии ... Они стали покорными поддаными властей и фанатично религиозными, их чувства огрубели, они стали жестокосердными и со временем духовные интересы у них совершенно исчезли... Никто не заботился об их образовании... Всё это определило культурную и духовную отсталость колонистов. И

только просвещение колонистов в последние 30 лет позитивно повлияло на их грубые характеры... Но, тем не менее, всё негативное влияние, которому подверглись колонисты, не смогло вытравить в них многие позитивные черты их характера, которые они получили от природы: они остались трудолюбивыми, чистоплотными, пунктуальными, верными, простыми и честными – им веришь на слово“. (J. Ditz, „Die Geschichte der Wolgadeutschen Kolonisten, 1997, S. 377-380)

Да, колонистам первого и второго поколения было страшно трудно, об этом написано много свидетельств современников. Вполне возможно, что их духовные интересы обеднели, но совсем исчезнуть они не могли, потому что они боролись за выживание, а это означает – приобретение знания того, откуда веет ветер и куда он гонит твою лодку. То, что наши предки-колонисты были очень верующими и полагались на Бога тоже понятно, потому что – а на кого им ещё можно было полагаться? На императорскую канцелярию, на далёкую бюрократию государства? На царя-батюшку? От религиозности, ксати, и верноподданничества: „Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены. (Послание к Римлянам святого апостола Павла, 13:1) Но это – особенность всех немцев, хоть тогдашних колонистов, хоть сегодняшних репатриантов и коренных германских немцев – независимо от того, верующие ли они или атеисты, все они в своей крови, в своей душе унаследовали эту черту характера. И сегодня коренные немцы Германии ведомы властью имущими, и они при этом покорны и послушны, отказываются от тысячелетних моральных устоев, перенимают новые ценности и дают перевоспитывать себя таким образом, что даже с неприязнью относятся к собственной немецкой нации. На вопрос, почему так произошло, я попытаюсь дать ответ ниже.

Но вернёмся к цитате: «культурная и духовная отсталось колонистов?» В сравнении с кем? Ведь только так можно определить разницу? С русскими крестьянами, бывшими крепостными до 1861 года? Но это несерьёзно, мы ведь все знаем о бесправной жизни этих людей, о рабском положении крестьянства – которое должно было работать на барина до пяти дней в неделю. Колонисты же были свободными людьми иностранного происхождения, имели некоторые привилегии и до 1871 года имели демократическое самоуправление в своих общинах. И их положение позволяло им жить в более благополучных и культурных условиях. И, в конце концов, Дитц ведь и сам пишет, что колонисты «сохранили все свои позитивные черты характера, которые они имеют от природы», то есть сохранили то, что унаследовали от своих предков. Следовательно, они не могли стать более отсталыми.

Когда-то мне удалось сделать такое сравнение. Это было в декабре 1989 года, когда случилась возможность посетить моих родственников в ГДР. После падения стены и получения подарка в 100 дойчмарок миллионы граждан ГДР направились в ФРГ. Моя кузина Эльза, её сын Гуго со своей женой Ингрид тоже смогли в первый раз в своей жизни навестить своих родственников на Западе. Когда они спустя неделю вернулись, Эльза сказала: „Мы были в раю. Мы здесь, в нашей „высокоразвитой“ ГДР, отстали на 40 лет.“ Разочарование всех трёх из-за обмана, который им пришлось слушать на протяжении 40 лет об „эксплуататорском капитализме“, погасило радость от тех подарков, которые они привезли из ФРГ. Мне их удалось успокоить: „Ну тогда мы, в высокохваленном СССР, отстали от „разложившегося капитализма“ на 70 лет. Они мне в это не поверили, так как многолетняя пропаганда сумела их убедить, что рай находится именно в СССР. И это точное сравнение трёх различных обществ.

„Просвещение колонистов в последние 30 лет оказало на них позитивное влияние“ – так пишет Дитц. То есть, с 1875-80 годов? О каком „просвещении“ здесь идёт речь? Неужели вот об этом:

1871 – отмена особого государственного управления колоний, ограничение самоуправления, запрет покупки земли, начало насильственной руссификации и все, связанные с этими изменениями сложности?

1873 – о начале стремлений к реэмиграции и эмиграции колонистов за океан из протеста против введённых ограничений?

1874 – о введении для колонистов общей военной обязанности, что ещё больше увеличило количество эмигрантов, в особенности меннонитов? Но эта привилегия была обещана царицей ещё в 1763-63 годах. („на вечные времена“ – прим. Г.Д.)

1887 – о подчинении немецких церковных школ государственной школьной инспекции? Начало протестной эмиграции колонистов также и в Южную Америку.

1891 – о запрете преподавания немецкого языка, введении русского языка в качестве языка преподавания в школах колоний (в дополнении к этому высшие указы от 22.11.1890 и от 10.12.1892)? Даже сам Я. Дитц сообщает: „Невыполнимыми оказались последствия новых правил, когда весной 1897 года выяснилось, что нет экзаменаторов для 50 немецких школ в округе Камышин, чтобы принять экзамены“ (J. Ditz, „Die Geschichte der Wolgadeutschen Kolonisten“, 1997, S. 371).

В главе „Школа“ не перечислены факты, которые могли бы подтвердить проявление упоминаемого выше позитивного влияния просвещения. А Дитц, наоборот, воспринимает начавшуюся в 1871 году руссификацию колонистов как позитивные действия российского государства. О высочайшем указе от 24.02.1897 о разрешении религиозного образования на немецком языке он пишет: „Некоторые инспектора учебных заведений поняли в этом указе волю правительства ускорить руссификацию немецких школ и населения и заменили всех учителей-немцев на русских учителей, которые не знали немецкого языка..., что негативно сказалось на успехах учеников“. Инспектора знали, что означает этот указ, а Яков Дитц ещё и в 1915 году не понял смысл и последствия руссификации колонистов: „... война на время останавливает прогресс в школах, но о начавшихся ограничениях для немецких колонистов на время войны мы здесь не будем говорить“. (ebenda, S.373). Но эти „ограничения на военное время“ перенял также и Сталин своим Указом от 28.08.1941 о выселении поволжских немцев и мы знаем, что это означало – на вечные времена!

Или об указе от 18.08.1914, который запретил разговаривать на немецком языке в общественных местах? Тогда ещё никто не мог подозревать, к каким последствиям приведут жестокие ограничения, которые спустя 23 года (в 1941 году) и в последующие годы приведут к ликвидации российско-немецкой общности. Или к „новому народу“ по Дитцу относились только поволжские немцы, а не выселенные в 1915 году волыньские немцы?

„Новый народ“, „даже раса“, „новая уникальная, самодостаточная нация“? – Прочитав это, я, наконец, смог понять, откуда ветер дует, когда Герольд Бельгер в журнале „Ost-West-Dialog“ Nr.1 за 1998 год опубликовал свою ахинею (в оригинале „Unsinn“) в качестве рекомендаций для своих эмигрировавших в Германию земляков и почему он предписал нам не ассимилироваться, а сопротивляться этому, чтобы не деградировать до среднего немца. Но об этой идее-фикс я уже высказал своё мнение. Но откуда в свою очередь к Я. Дитцу пришла идея, что „колонисты являются новым уникальным народом, нацией, расой“?

Можно себе представить зарождение этой идеи: царевичи, российский царский дом, династия Романовых не только выискивали для себя красивых, состоятельных и хорошо воспитанных жён, эти женщины, к тому же, должны были быть образованными представителями благородных домов. Они должны были передавать своим детям –

царским наследникам – свой ум, сообразительность, интеллект. Наследники престола должны были воспитываться как успешные, мудрые монархи для Российской империи, которые были бы способны вести страну к лучшему будущему. В это время... (не существовало ещё учения о наследственности), но то, что сегодня называют селекцией уже тогда сознательно или интуитивно находило своё применение в монаршем доме. Они рассчитывали таким образом достичь роста интеллекта в царской семье. Исходя из того факта, что Романовы на протяжении более, чем ста лет брали себе в жёны принцесс из германских земель, можно подозревать, что они были убеждены в действенности этой своей установки. И это мнение, эту установку переняли также и придворные – жившие в России и служившие ей высокоинтеллигентные, высокопоставленные, высокотитулованные немцы, в особенности те, которые выбрали путь руссификации добровольно. Но в данном случае говорить можно только о той части российских немцев, которые относились к российской элите.

А что же колонисты? Если колонисты были „некультурными, грубыми и неотёсанными“? (ebenda, S. 377), то как они могли стать „новым уникальным народом“ и „расой“? Здесь возникает ощущение, что Я. Дитц механически перенёс установки немцев из высших слоёв российской элиты на немцев-колонистов. Но у колонистов и в помыслах не было руссифицироваться, не говоря уже о том, чтобы отказаться от веры своих предков и перейти в православную веру, что в большинстве случаев происходило в среде переселившихся в Россию представителей немецкой элиты. Колонисты упрямо придерживались своей немецкости, своей привезённой в Россию веры и морали своих немецких предков. Не существовало также и солидарного сообщества поволжских, кавказских, крымских, украинских и волынских немцев (Russlanddeutschtum). Если Я. Дитц назвал „народом, нацией и расой“ только около 300 тысяч поволжских немцев, то это смешно и находится на грани абсурда. По нему, поволжский немец „не был немцем, но и не был русским“. Неужто не был даже и полунемцем и полурусским? Неужто был „германороссом“? Может быть Гамм и прочие переняли этот термин у Дитца? Приблизительно так могла бы зародиться идея о „новом народе“ и т.д.

Одновременно в этом просматривается и вторая часть установки российской элиты, а именно: успехи этих высокопоставленных немцев породили зависть у некоторых русских, которые имели в жизни меньше успеха. Так у некоторых русских зародилась зависть и в конечном итоге ненависть по отношению к жившим в России немцам. Сначала пришлось её почувствовать на своей шкуре некоторым немцам в высших слоях общества, а затем и ремесленникам и мастерам на заводах и фабриках, а затем и колонистам. В российском обществе появились славянофилы-германофобы. Царь Александр II. поддержал их движение, хотя его жена была немецкой принцессой и он сам поддерживал в элите многих немцев и продвигал их в правительство. Это был тот царь, который ликвидировал статус колонистов и начал руссификацию немцев в России – по принципу „Россия – русским“.

Но идея об „уникальном и самодостаточном“ народе немцев после этого не исчезла в небытие. Уже после выселения 200 тысяч волынских немцев в 1915 году можно было понять, что речь шла не только о выселении из областей военных действий, из мест, расположенных от фронтовой линии на 100-150 километров, как это гласил указ. Это была ликвидация частной собственности у немцев и их изгнание из родины, которая преследовала две цели. Одна из них – это насильственная руссификация – растворение немцев в русской среде, а вторая – перенесение лучших черт характера колонистов при помощи смешения немцев с другими народами (контакты между людьми и смешанные браки), потому что „они трудолюбивы, чистоплотны, пунктуальны, верны, миролюбивы и честны, им веришь на слово“, как это признавал Я. Дитц.

Что означали эти неслучайные трудности, которыми сопровождалось выселение, изгнание, волынских немцев? Для колонистов, которые были отправлены на восток через Ташкент, путь длился 15 месяцев. Все старики и большинство маленьких детей умерли на этом ужасном, бесчеловечном, бесконечном пути. Это была селекция, которая преследовала цель освободиться от более слабых людей и как бы предупредить всех других: не забывайте, вы чужие в этой стране, если вы хотите жить у нас, то переходите в нашу православную веру и забудьте вашу немецкость. Это было запланированное убийство людей. И такое, наполненное мучениями, изгнание из европейской части царской России было запланировано и для других колонистов – и они должны были пройти такую же или подобную селекцию. И только революция помешала выполнению этих планов.

Но то, что не смог выполнить царь Николай II, в 1924 году и, в особенности, в 1941 году начал выполнять особо драконовскими методами коммунист-интернационалист Сталин. Идея об „особом и самодостаточном народе“ в отношении запуганных и подавленных государственной властью колонистов, которые позже были переименованы в „советских немцев“, подходила его национальной политике и так они стали первыми среди многих, живших в России национальных меньшинств, которым тиран определил стать объектом в его эксперименте перевоспитания. „Чума повседневного „красного террора“ достала приблизительно сорок различных групп населения СССР“. (Источник автором ошибочно не указан – только страница 436), но жёстче всех она задела немцев.

Сразу же после захвата власти большевиками в 1917 году колонисты попали под их перекрёстный огонь. Они были до 1928 года более состоятельными, чем крестьяне других народов, то есть, они были богачи – а значит, они были классовыми врагами, подлежащими уничтожению. С 1928 года многие из них были против коллективизации, за частную собственность – то есть, всё ещё были классовыми врагами и поэтому у них была отнята их собственность, а они сами сосланы в Сибирь и в Среднюю Азию. А в 1933-38 годах в немецком национальном меньшинстве стали видеть чуждый национальный элемент, который якобы связан с Германией. В эти годы полетели головы представителей интеллигенции советских немцев и тех, кто всё ещё позволял себе иметь собственное мнение, которое не совпадало с коммунистической идеей, и открыто высказывать его. Это была селекция на покорность, верноподданничество и верность коммунистической идее строительства «справедливого мира», сопровождаемую слепой верой в эту утопию. Эта селекция сформировала людей, которые больше не видели выхода и поэтому были вынуждены слепо и безусловно сотрудничать в строительстве этой утопии. В ситуации этой безысходности стали покорно сотрудничать с коммунистическим режимом как оставшиеся в живых взрослые люди, так и перевоспитанное подрастающее поколение. Так советских немцев подавили, сломали, даже сломали, сделали покорными и послушными и так они стали соответствовать заданным условиям.

Не это ли самое произошло и здесь, в Германии, с местными немцами? Только идея, её содержание немного иные, но слепота, страх, покорность – являются теми же условиями, в которых перевоспитывались российские немцы. В Советском Союзе они должны были стать новыми советскими рабами коммунистической системы, здесь все немцы, включая и немцев из России, должны стать новыми рабами глобализированного финансами мира. И всё то, о чём я пишу, произошло в Советском Союзе параллельно с основанием Коммуны немцев Поволжья в 1918 году, АССРНП в 1924 году и закрепление этого статуса в Конституции СССР 1936 года. В 30-е годы её называли „сталинской республикой“ и пропаганда коммунистического государства хвасталась из всех сил достижениями в успешной национальной политике в Советском Союзе, с

гордостью сообщала всему миру о благополучной немецкой автономной республике. Одновременно государство грабило поволжских немцев через колхозную систему, облагало их двойными нормами поставок и перекачивало результаты хозяйственных успехов немецкой автономной республики в государственные кассы. Но одновременно этому вело постоянный красный террор в отношении советских немцев. Вследствие начатых большевиками чисток в партии и в хозяйственно-административных органах с 1934 до 1938 годов (за пять лет) было арестовано 302.227 немцев (22% от 1,4 миллиона советских немцев), а в 1937-38 годах, за два года, было расстреляно 122.237 немцев, в основном мужчин (8% от общего количества немецкого меньшинства, что в 2-3 раза превышало средние цифры у других народов).

В особенности жёстко репрессии затронули немцев Украины. Так в ходе только одной „немецкой операции“ с 15.09. до 15.11. 1938 года по решению „троек“ были расстреляны 41.898 человек – 3 % от общей численности немецкого меньшинства в СССР, из 18.005 человек были немцы Украины, что составило 4,5 % от общего количества живших здесь немцев. (Viktor Bruhl, *Russlanddeutsche Zeitgeschichte*, S. 296).

После заключения тайного пакта о ненападении между Советским Союзом и Германией в 1939 году репрессии против немецкого меньшинства в Советском Союзе были частично остановлены. Но это – только до начала войны в 1941 году. Уже 28 августа 1941 года показал поволжским немцам свою истинную „любовь“ к ним: была ликвидирована АССРНП и, точно так же, как это планировал царь в 1915 году, немцы были лишены всей своей собственности, изгнаны со своей родины и рассеяны среди более, чем 100 иноязычных народов. Вслед за поволжскими немцами последовали и другие группы советских немцев. Здесь я хотел бы только обратить внимание на один аспект указа от 28.08.1941 года: "...переселить всё немецкое население, живущее в районах Поволжья в другие районы, при этом наделить переселенцев землёй и государственную помощь для обустройства в новых районах Новосибирской и Омской областей, Алтайского края, Казахстана... обеспечить всех российских немцев полезной землёй в новых районах". Но уже спустя две недели, 12 сентября 1941 года, когда депортация немцев ещё даже не достигла своего апогея, не все ещё были засунуты в телячьи вагоны, Совет народных комиссаров СССР и ЦК КПСС приняли тайное решение, которое запрещало поселять в одном населённом пункте больше десяти немецких семей. (Robert Korn, *OWP*, Nr. 09, 2011). В указе от 28 августа речь шла об „обустройстве целых колхозов в существующие колхозы и совхозы“, на самом деле всё было сделано наоборот: люди селились некомпактно, территория не была предоставлена, земля и помощь тоже. Изгнанных немцев поселили рассеяно маленькими группками, зачастую по две-три семьи, с целью растворить их среди ста с лишним разных народов от Урала до Дальнего Востока, от Таджикистана до Заполярья.

Но «отец всех народов» Сталин понял, что тотальное ограбление советских немцев, их изгнание из их родины и рассеяние среди других народов ещё не привели к полному их перевоспитанию и принял следующие жестокие шаги в этом направлении: введение рабочих колонн в январе 1942 года, когда все мужчины в возрасте от 16 до 45 лет были изъяты из немецких семей и помещены в лагеря ГУЛАГа (Постановление ГКО №1123сс, от 10.01.1942 года), мобилизованы женщины от 16 до 45 летнего возраста и мужчины от 15-летнего до 55-летнего возраста (Постановление ГКО №. 233сс от 07.10.42), удержание в лагерях ГУЛАГа („трудармии“) оставшихся в живых немцев в послевоенное время и введение „Особого надзора над спецпоселенцами“ в 1945 году (Постановление Совета народных комиссаров СССР от 08.01.1945 года), закрепление советских немцев на вечные времена в местах депортации в 1948 году. (Указ от 26.11.1948 года).

Начавшаяся руссификация советских немцев и их смешение с другими народами с целью переноса некоторых важных наследственных черт характера немцев посредством смешанных семей на другие народы явно просматривается и в других проведённых мерах: немецкие женщины, которые были замужем за мужчинами других национальностей в 1941 году не были подвергнуты депортации; из всех изгнанных народов только немецкие женщины были оторваны от семей и своих детей и отправлены в трудовые лагеря ГУЛАГа; немецкие женщины, отсидевшие свои сроки, не отпускались домой, а непосредственно из мест заключения переводились в эти трудовые лагеря, то есть им без судебного решения пришлось и дальше работать в неволе; после окончания войны немцев-мужчин не отпустили из лагерей и не позволили вернуться к своим семьям, как это предусматривалось в указе №.1123сс; закрепление в местах депортации на вечные времена преследовало эту же цель: продлить раздельное существование немецких женщин от их мужей.

Только поверхностный обзор этих решений показывает, что, несмотря на тяжёлое военное положение, несколько сот тысяч немецких женщин не были в состоянии выполнить народнохозяйственные задачи всего Советского Союза. Незамужние женщины всех народов принесли бы больше пользы, чем то, что только немецких матерей отрывали от их детей. Последствия: „По данным министерства внутренних дел СССР на 1 апреля 1949 года 296.837 семей находились на спецпоселении, всего – 1.035.701 человек, из них – 262.833 мужчины и 412.830 Frauen... численность мужчин у российских немцев, даже спустя четыре года после войны была вдвое ниже, чем численность женщин...“ и "Немалое число вдов и незамужних женщин пошли по пути „добровольной, социалистической“ ассимиляции, соглашались на смешанные браки и таким образом отказывались от своей национальности“. (ссылка не дана) Почти половина женщин в течение последних двух десятилетий (скорей всего имеются в виду 30-50 годы – прим. Г.Д.). Так искусственно была создана ситуация, вынудившая немецких женщин искать супругов среди представителей других национальностей.

Безумный план ликвидации советских немцев был продолжен и после смерти Сталина: все депортированные народы после 1955 года снова получили свои автономные республики, свои территории и только немцам не была возвращена отнятая у них родина, более того, до 1972 года им нельзя было покидать места своей депортации, что было самой главной причиной среди многих для создания большого количества смешанных семей и отражало планы, которые преследовали коммунистические идеологи.

Немного отклонюсь от темы: некто А. Майер из Каратау хвастался 3 августа 1988 года в газете „Казахстанская правда“, что у него многонациональная семья, что это определено объективными законами жизни и что она состоит из русских, украинцев, белорусов и одной еврейки. „Если бы в 1941 году Майера вместе с другими немцами не выселили из АССРНП, искали бы в этом случае четыре его сына ненемецких супругов в огромном Советском Союзе или они выбрали бы живущих с ними рядом немецких девушек? В случае с Майером видно, что он пошёл по пути, определённого ему властью имущими – что он отказался от своей немецкости и безусловно избрал ассимиляцию“. (Oskar Schulz, „Die Brechstangenpolitik im Zickzackkurs“, S. 264)

Целью коммунизма было и остаётся до сегодняшнего дня создание из многих народов одного гомогенного народа. В Советском Союзе хотели посредством этнических чисток ликвидировать в начале маленькие народы, но позже в том числе и большие: „... Коммунистическое руководство... преследовало цель создать из сохранившихся остатков немецкого населения массу, у которой бы не было своей собственной культуры, собственной интеллигенции, собственной родины. Эта масса должна была... быть послушной интересам государства (то есть коммунистическому руководству)... В

этом была суть ленинской и сталинской национальной политики в их практическом осуществлении“ (Walter Lange, „Das Schicksal der Deutschen in der Sowjetunion“; S. 21)

Две трети советских немцев после 1938 года и все 100% после 1941 года были помещены в среду, в которой главную роль играл русский язык: детские сады, школы, журналы, книги, государственный язык, всё окружение – всё говорило на русском языке. Дети становились русскоязычными и даже вынуждали своих родителей дома переходить на русский язык.

Жестокое насилие, осуществлённое на протяжении прошедших 70 лет коммунистического господства в отношении советских немцев – бывших колонистов – содержало в себе, хотя и не официально, но фактически – запрет родного немецкого языка. И это подтверждают результаты переписи населения 1998 года, которые показали, что из 2.035.807 немцев СССР только ещё 48,7 % из них назвали немецкий язык своим родным. И власть имущие уже верили, что эксперимент по растворению советских немцев среди других народов и их перевоспитание в новых граждан, в рабов-„гомо советикусов“ удался. Но они ошиблись! По разным оценкам число тех, кто позволил себя ассимилировать и остался в местах депортации составляет приблизительно 25% от общего числе советских немцев. Остальные три четвёртые советских немцев сказали: нет восстановления справедливости, нет восстановления автономии – значит это конец, это исход, прощайте! И вернулись на родину своих предков.

Перевод Генриха Дауба

Источник: Книга писателя Оскара Шульца, живущего в Германии, Лейпциге. (Oskar Schulz, Deutschland abschalten. – Die Vergangenheit, Gegenwart und Zukunft – auf einen Ariadnefaden aufgefädelt.)